

МИКРОЛІТЬ 12



г. Гулькевичи 2018

Литературный журнал «Микролитъ». № 12. 2018

| | |
|---|----------------------|
| Главный редактор | Иван Кротов |
| Заместитель редактора | Александр Мартусенко |
| Художественный редактор | Ирина Мартусенко |
| Заместитель редактора по связям с общественностью | Павел Уваров |

тел. в СПб: 8-965-761-73-44

| | |
|--------------|---------------------------------|
| редколлегия: | Анна Мамаенко Андрей Насонов |
|--------------|---------------------------------|

| | |
|------------------------------|--------------|
| Работа с интернет-ресурсами: | Павел Уваров |
|------------------------------|--------------|

| | |
|-------------------|---|
| Творческий совет: | Игорь Васильев Иван Карасёв Нина Хрущ |
|-------------------|---|

| | |
|----------|-------------|
| Вёрстка: | Иван Кротов |
|----------|-------------|

На обложке – лист из серии «Rearreagance» Ирины Мартусенко.

На первой странице работа Ивана Карасева «Искажение паруса».

В оформлении номера использованы работы Ирины Мартусенко и Дмитрия Бабенко (г. Краснодар).

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не вступает в переписку с читателями. Перепечатка материалов по согласию с редакцией.

Адрес для писем: wall55@mail.ru

Наш сайт: <http://microlit.intentia.su/index.html>

© Авторы, 2017

© Оформление

КРУГИ ПО ВОДЕ

ДМИТРИЙ БАБЕНКО

Public library of the ittakiri poetry

В японском стиховедении существует понятие «иттакири» (**ittakiri**). Переводится **ittakiri** как «всё сказано», и означает ситуацию, когда лирическому высказыванию недостаёт недосказанности, т. е. автор не оставил читателю пространства для сотворчества, персональной трактовки, не оставил места для невысказанного и невысказываемого в принципе. С точки зрения японских (и не только) стиховедов иттакири, без сомнения, является серьёзным недостатком произведения. Но, есть и другой взгляд на этот вопрос. Существует немало читателей требующих от автора предельной ясности в высказывании, и считающих открытый финал в фильме, например, поводом требовать возврата денег за билеты. Обе точки зрения на литературу имеют право на существование, «**Public library of the ittakiri poetry**» – библиотека для противников тумана в поэзии.



НАЧАТЬ НЕЛЬЗЯ КОНЧИТЬ

Филологи знают, что в нашем языке слова «начало» и «конец» однокоренные. Такова семантическая логика не только русского мира – крайности сходятся, образуя круг. Идеи окольцованы, как невиданные птицы, они вылетают из своих гнезд и вновь возвращаются, чтобы их генетические порождения (копии, стереотипы etc.) повторили глубоко врожденный алгоритм... Как в детской игре, помните? – «Замри, умри, воскресни».

Это только нам кажется, что Время течет одномерно и оно одинаково во всех уголках Экумены, даже в самых темных, соннолощинных областях. На самом деле всё сложно, запутанно и неоднозначно. И Время то несется вперед, то, спотыкаясь, замедляет свой бег. А иногда чудится, будто Оно заблудилось в трех соснах и уже в который раз кружит вон у той избушки лесника, в которой давно никто не живет. И лежит во дворе один Камень. Все на него смотрят, и мерещится нам, что никому он уже не нужен: Время точит Камень. Камень точит Время. Что из этого алхимически амбивалентного процесса получится, никто не знает. А кто знает, пусть говорит сейчас, или умолкнет навсегда.

Микролит, минерал группы танталониобатов, каменные орудия в виде миниатюрных каменных пластин, мелкие игольчатые или пластинчатые кристаллики микроскопических размеров; входят в стекловатую основную массу эффузивных горных пород, а еще это журнал «Микролитъ». Все время забываю, где поставить точку над «и» – в первом или во втором случае? Пусть будет во втором. Или нет – все-таки в первом. А может лучше точку поставить над твердым знаком и нарушить все мыслимые им непомышляемые нормы и требования отеческой пунктуации и материнской орфографии;

Пять человек сидят в полутемном зале краснодарского кафе. Они оскорбительно трезвы, пьют зеленый чай. Разложили под косые взгляды сварливой официантки ворох каких-то рукописей. Шелестят словами и очень рискуют быть изгнанными из обители девяти пороков. Но они настойчивы. Достают из полиэтиленовых пакетиков с выцветшей надписью «Благодарим за покупку» нечто художественно волшебное. Рисунок – цепь сплетающихся то ли змей, то ли неведомых миру чудодейственных гадов. Кажется, рукой водил ребенок-этруск, еще не умеющий читать, но уже семипядным умом впитавший тексты прото-Данте.

– Матушкин, – будто заклинание, произносит имя художника Иван Иванович. И за ним повторяют Игорь Юрьевич и Александр Валерьевич. О, чудо! Слышится треск и откуда-то из глубины валят клубы черного дыма. Это сварливая официантка разбивает в испуге колбу с аквавитой, а повара кафе опять заслушались микролитическими беседами, и у них сгорела картофель фри.

Да прибудет с вами Микролить.

Камень, ножницы, бумага...

амен+



Матушкин

БЫЛОЕ И ДУМЫ: ХАЙКАЙ

Наш журнал начинался с группы любителей хайку, и мы всегда уделяли внимание этому жанру, одному из самых минималистичнейших. Что может быть более демократичным? Что может быть менее? что может быть...

АНАТОЛИЙ ИЛЬЦ

полная луна
такие пустые
глаза у кукол

до воскресения
такое вечное
ожидание



И. Мартусенко

Книга Мёртвых –
среди забытых страниц
цветок бессмертника

безымянная станция
в вытянутой руке Ленина
снег и луна

РАДИОН ХУЗИН

сыграй мне туманно
пальцы на морозе
засты

солнышко
в щёлке дверей
маленький носик

СЕРГЕЙ КУРБАТОВ

звезда упала —
ловим пустоту
на полуслове

крест на лете
переползает улитка
опавший лист

сумерничанье
в кружке с малиной
два клопа

разговор по душам
залетает бражник
на огонёк

знакомые
до тени на песке —
старик и море

МИХАИЛ ЕЖОВ

букет одуванчиков
только и радости
что дунули вместе

привет из СССР
высунутые языки
компостеров

АНДРЕЙ ВУХ

кабинет гинеколога...
залетела муха

что ему память?
с каждым годом всё меньше
могильный холмик...

сквозь чёрные ветки
смотрю на здание школы
вот и вся учёба

муж гуляет...
да и пёс с ним!

такая весна...
нет, всё-таки зря
померла тёща

БАХТИЁР АМИНИ

Зимний день
Больше чем я
Дрожит моя тень

Бастуют
Тараканы в голове:
«Дайте нам хлеба и зрелищ!»

СЕРГЕЙ ДАНИУШИН

Шикарный галстук:
Хоть сейчас вешайся

поэтическая среда мало
отличается от щелочной

Навестил родителей
Не узнала меня
Наша собака



И. Мартусенко

Дождь над Питером
Как труд порноактёра:
Скучный и влажный

в мордате менте
узнал одноклассника
лёд под ногами

ПОЛЁТ ЖУКА

АННА МАМАЕНКО

Одинокая цесарка

В заброшенных мастерских живет одинокая цесарка, Цезарь на развалинах своего Рима.

Она гордо вышагивает среди бурьяна и мусорных куч, будто видит железные легионы, выстроившиеся перед галльским походом. Она попала в ржавую металлическую сеть, но держится так, с таким достоинством, будто завтра точно захватит весь мир...

Но пока цесарка подхватывает с земли червяка, и он, съедаемый, осознает себя частицей Империи.... Бурьян захватил ее маленький пестренький мир. В полусгнившей беседке цесарка спит, спрятав голову под крыло. Она пьет дождь и ест горькие зерна травы.

Цесарке снятся пестрые сны, в которых она летает над этой горькой землей, и под ее крылом не железная ржавая сеть, а пушистый выводок трогательных птенцов, которым она расскажет про Город всех Городов, куда все дороги приводят таких, как она.

Где каждому есть свое место, свой уголок. Одинокая цесарка в заброшенных мастерских.

Великий шелковый путь

Струятся глаза пустынные через века, через тьмы и сомнения полководцев. Пейзаж меняется, ветер листает страницы, дописывая между строк, между облачных глав, сомкнутых над родничком потаённым. По берегам пересохших озёр стоят серые цапли, упирая клювы в закаты, окрашиваясь в цвета где-то идущей войны.

Деревья переступают корнями неловко, застенчиво, тихо. Прислушайся: в воздухе легкая дрожь... Это танцуют деревья танец извилистый, древний, замысловатый... Звезды вьют паутину в самых возвышенных кронах, ловят заблудшие души командировочных, странников, беглых, приносимые теплым ветром из городов-могильников, городов, похожих на лабиринты лабораторий.

Земля устало вбирает воду и новые кости. Там, где стоял караван – лишь осколки кувшина и тени... Шелковица смотрит в глубокую темную воду. На самой вершине сидят, тесно прижавшись друг к другу, крошка-звезда и маленький червячок. Он беседует со звездой неторопливо и плавно, прядет свой тонкий прозрачный узор, на землю его опуская, вычерчивая направление темного танца. Верблюд осторожно обходит раздавленный в спешке кувшин, в котором плавает месяц. Звезды звенят по ночам и танцуют деревья по шелковому пути в направлении ночи великой.

КОТ БАСЁ

Минута – это тридцать спокойных слов, размеренных, чутких, не сжатых в одно дыханье, долгое эхо всплеска – пока весло, перевернувшись, медленно обсыхает. Минута – это вспышка над грозным раскатистым фронтом... Приветливый и пологий, наш склон в переплете камней и сухой травы... Три поцелуя быстрых, один глубокий, десять касаний пальцами – сверху вниз и сразу обратно, не соблюдая пауз. Минута приходит, как с моря приходит бриз, которого ждал уставший от штиля парус.

Ты так расточителен... Время течет песком, уходит сквозь пальцы, пока ты находишь повод.

Минута, в ладонь упавшая лепестком, лежит, как жемчужина перед лицом слепого.

БЫЛОЕ И ДУМЫ: ПАЛИНДРОМ

Текст, свободно читаемый с разных направлений, подобен заклинанию. Он словно пришёл из Зазеркалья. Лентой Мёбиуса он охватывает ваше сознание; повторяемый, словно мантра, он захватывает его изнутри...

РОМАН АДРИАНОВ

Барака раб

О, на траве, после сотен полян – год у знати псов. Море, вести, чан затенили мыт сор. Пилите дуб! Но там лежит серп, а карабин воруй у ровни. Барака престиж ел мат. Он будет или простым или нет, а, значит, севером воспитан зуд огня. Лопнет осёл, сопев.

(Артано)

Актив свитка

И Черномор дни лап ввёл, как лев, в палиндром речи.

...но сам он – диво! – видно, масон.

Тибул убит!

Толпе тепло.

Римлян унял мир.

Позеленел Эзоп.

И не локтем жмёт колени...

И делим мы дым, миледи.

Я на тебе, - на небе, Таня!

ВИЧ был улыбчив.

Ранил укроп о топор кулинар.

Цени в себе свинец!

Я спился. Я слился, я слипся...

О, ненароком око ранено!..

Или пельмени лепили?

Мало гнома монголам.

Во тела у туалетов!!

А тещин заказ – нищета.

О, вера ваша – варево!

ВОЗДУХЪ

КОТ БАСЁ

Я смотрю на них, понимая – я здесь чужой.
Сохрани и помилуй, Боже, но я здесь лишний.
Они все состоят из фильмов, стихов и книжек.
Я – из ножа и артерии под ножом.

Там, подо льдом, остывает дом, оставленный нами дом.
И все происходит над ним, пока он на дне.
Идти по льду и не оставлять следов.
И знать, что иного нет.

НАДЕЖДА БАБИЧЕВА

Кривая рельс трамвая
Лязг. Взгляд. Лязг. Взгляд.
Еду вперёд – смотрю назад.

Пересохший пруд.
Странные чувства.
Раньше здесь плескались люди,
теперь плещутся листья.

ДМИТРИЙ БОБЫЛЕВ

под звуки растений
над глубиью подземных ветров
на выдохе слова которое знают все
настоящая жизнь
проливается
на уставших от чтения
режет глаза
стекает под волосами

Улица Репина

Эта улица вымощена диабазом,
Камнем со страшным названием,
Как дикобраз или образина.
Только зачем нам знать его имя,
Если брусчатка выглядит в точности, как другие,
На прочих улицах,
На которых не складывали штабелями
Трупы в морозную блокадную зиму,
И над ней точно так же горит вольфрам?

Ноябрь

По панцирю запекшейся земли
Звенят ботинки, обретая шпоры
Из листьев, серебрящихся в пыли.
И ни к чему благие разговоры,

Идти в военкомат или сбежать.
Отточен слог, карандаши и нервы.
Свобода вырывается из плевры.
Вдохнуть железный мир — и не дышать.

Гендетта

Марио Джеребелли вернулся домой далеко за полночь. Не снимая мокрого плаща, прямо в заляпанных грязью ботинках, старик прошёл по скрипучему паркету гостиной и остановился возле огромного семейного стола. Сквозь приоткрытые ставни в комнату лился шорох ночного дождя. Старик подвинул к себе один из стульев, тяжело сел на него и уставился в стену, туда, где висела старая двуствольная «беретта».

– Дедушка, – сказал за спиной голос Риккардо, – как хорошо, что ты уже вернулся. Сейчас я принесу сухое.

Марио поднял глаза на старшего внука. Совсем взрослый мужчина. Лицо радостное, будто у него на языке вертится хорошая новость. Бедный мальчик... Старик вздохнул:

– Не надо, Рикко. Налей-ка мне лучше стаканчик граппы.

Юноша отошёл к буфету, зазвякал стеклом, вернулся с полным стаканом. Марио залпом отпил половину и сказал севшим голосом:

– Пошли за Винченцо и Марко. Я только что из Палермо, у меня плохие новости.

– Кобеллини? – тревожно спросил Риккардо, улыбка сбежала с его лица.

Старик сидел неподвижно, лишь вздрагивали тяжёлые морщинистые щёки.

– Пятьдесят лет, – тихо сказал он в пространство. – Пятьдесят лет гендетты сожрали все ресурсы нашей семьи. Джеребелли уже не те, что прежде. Мы не можем рожать в ответ на каждого щенка Кобеллини двоих ребятишек. В каждой комнате и так живёт по десяти человек. А я, старый дурак, думал, что решу все проблемы. Господи! Сколько я ждал этого момента! И вот наконец умерла Франческа, в обеих семьях осталось ровно по четыреста восемьдесят пять душ, включая стариков и детей, и ещё по одной беременной женщине. Мне казалось – вот он, удобный случай, чтобы заключить мир. А теперь всё пропало.

– Что произошло, дедушка? – допытывался Риккардо. – Кобеллини обманули нас? Они не стали стерилизовать своих мужчин?

– Нет, они сдержали обещание, - Марио покачал головой. – Все Коббеллини, включая годовалых младенцев, стерилизованы, как и Джеребелли. Но мы всё равно проиграли, Рикко. Мы побеждены.

– Почему, дедушка?! – вскричал Риккардо.

– Вчера разрешилась Лусия Кобеллини, – сказал Марио и одним глотком допил граппу. – У неё двойня.

На секунду над столом воцарилось гробовое молчание, потом Риккардо расхохотался:

– Святая Мадонна! – заорал он, сгребая своего деда в охапку. – Мы не проиграли! Мы победили, нонно! Два часа назад моя Жустина родила! И у нас тройняшки!



И. Мартусенко

ВОЗДУХЪ

НИКОЛАЙ ГРАНКИН

отцовская яблоня
притворяется мёртвой
гусеница

по нарисованному сердцу
ходят голуби
внутри... наружу...

вот и зима
на вчерашней луже
поскальзываюсь

часы деда
в бое металлические
нотки

домашние пельмени
отпечатки пальцев
твои и мои

весенний дождь
вся из себя
садовая улитка

лужайка у церкви
на солнечной стороне
одуванчики

дырка в кармане
читаю нотации
сыну

цветы к юбилею
дольше всех продержались
невзрачные

весна!
чуть больше амплитуды
В её походе

монпансье...
раскраснелась
старушка

незнакомый город
таксист шепелявит
всю дорогу

глубокая осень
кот провожает взглядом
улетающих птиц

БЫЛОЕ И ДУМЫ: ФАНТАСТИКА

*Мы не чураемся фантастики. 10 номер был посвящён итогам совместного – с журналами **ASA**, **ВОКЗАЛ** и **ASTRA NOVA**, – конкурса фантастической миниатюры имени Алексея Передереева. Сегодня мы публикуем рассказ-победитель и ещё один, особенно запомнившийся редакции.*

СЕРГЕЙ ИГНАТЬЕВ

Тулуна и ее чувство ветра

Тулуна вырезала его из льда. Расставила сети. Ждёт своего капитана.

Что так стучит? Собственное ли сердце пропускает удар? Или духи Келе человечесьей костью по бубну выправляют ритм обряда? Или расшаталась подлая заклепка в стальном брюхе корабля, который несет её Капитана сквозь мутно-зелёную толщу вод?

Океан давит. Сталь поддается и дребезжит. Мерный писк эхолота тонет, теряется в глубине.

У капитана черная шапка со звездой и блестящие пуговицы. Духи его земли вручили ему злую силу – копьё-молнии, разящие врагов. Капитан игрок и храбрец – как и все они... Тулуна не ошиблась в выборе.

Весёлым скрипом наста под полозьями, хрустом под подошвами унтов, слаженным дыханием и шорохом лап бегущих хаски встречает капитана его новый дом.

Он нем – рот полон талого снега и морской соли. Он не чувствует обмороженного лица. Не чувствует себя. Видит белые черты берез и золото колосьев, слышит песни своей земли – переливы хора, густой бас, трели балалаек... Краюха черствого сердца, по газетным строчкам расплывается ржавая слеза кильки в томате, двести восемьдесят миллионов жизней, нуждающихся в его защите – там, за туманом ...

Тулуна уводит капитана из зелени океанского безразличия в предвечную тишь белой пустыни. За зеркальную кромку льда.

В бликах огня по войлочным стенам чума, в жаре пропахших псиной шкур, играя с ним, как кошка с мышью, дразня ласковыми губами, Тулуна нарекает его: Паналык, «имеющий копьё».

Капитан смотрит в маслянистую черноту её раскосых глаз, пьёт из протянутой плошки. Вареву ударяет в голову сильнее, чем спирт в стакане, в гранях которого преломлялись латунные звездочки – когда-то, тысячу лет назад.

Она гладит его по колкой рыжей щетине, пока он не засыпает. Выходит из чума и смотрит на шеренгу ледяных статуй в круговерти снежной крупы.

Ветер подхватывает, повторяя многократно: «Паналык».

Тулуна сообщает ему своего нового возлюбленного.

Она шепчет имена, глядя на ледяные статуи, уходящие к горизонту. Вспоминает всех своих капитанов.

ДМИТРИЙ БОБЫЛЕВ

Визит

– Ну, Васенька, что же нам, на коленях просить? У тебя есть диплом палача, тебе можно. Ну не могу я Сурскому сына отдать казнить. Он не палач, он сволочь и пьяница. А сами мы слабые, рука не поднимается на родное.

Вот и ладно, век тебя будем помнить! На усыновление вот, документы, на, подпиши. С Законом-то я согласен, мы согласны: кто родил, тот и должен казнить, раз преступника воспитали. Уж вытянул он из нас жилы. Тишкины-то, да и многие так теперь делают, записывают палача в роддоме третьим родителем. Потом горя не знают: он и родитель, ему и жизни лишать. А тогда-то как-то не так было.

Спасибо, Вася, и чай у тебя хороший. Когда казнить придешь? Суд до 30-го приказал. 28-го? Вот и хорошо, я расстегаев напеку, как ты любишь. Храни тебя бог, Вася!

ВОЗДУХЪ

АНДРЕЙ НАСОНОВ

сколько времени?
в кромешной темноте
запах «Звёздочки»

декабрьский ветер
меж оголённых ветвей
мелькнула звезда

пригородный рейс
на переднем сиденье
тяпка

прощай море!
никак не отряхиваются
песчинки

окно маршрутки
смотрю на себя
смотрящего

мороз крепчает
спасает старая шуба
картошку в сарае

родной биофак
пожелтевшие от Примы
усы учителя

на краю земли
улитка тянет домик
на травинку

ЛЮБОВЬ ПАХОМОВА

Замерла бабочка
На белом камне
Тень облака

весенняя ночь
среди тонких осин
звезда

Ветренный день
Тень облака провожает нас
До самого дома

Волна за волной
Всегда спешат к берегу
Белые чайки

Падают листья
На старом крыльце
Спит рыжий кот

БЫЛОЕ И ДУМЫ: ДОСТАСЛОВ

Первый достаслов (drabble) был опубликован в 1 номере Микролита – это были Столярные истории Владимира Наливайко. Нельзя сказать, что в России жанр устоялся, но наши авторы пытаются внести свой вклад в его развитие.

ВЛАДИМИР НАЛИВАЙКО

«Столярные» истории

1

Отвёртка закрутила мозги Шурупу. Тот от любви влез в дерево по самую шляпку и сорвал себе шлицы. Отвёртка ушла к другому шурупу.

Ох, и нравится отвёрткам крутить шурупам головы!

2

Гвоздь захотел подружиться с Молотком, но не знал, что у того тяжёлый характер. Молоток поручил Гвоздю связать Доску с Брусом. Гвоздь попытался уклониться, а Молоток настаивал.

Гвоздь загнулся.

ИВАН КАРАСЁВ

Журналист тайно договорился с начальником колонии провести Новый год в камере смертников. Через два часа, как тяжёлые двери камеры за ним захлопнулись, начальник колонии скончался от инфаркта в своём кабинете.

ВИТАЛИЙ НИКОЛАЕВ

...где то в саванне лежал на траве мёртвый лев, а невдалеке плясали и радовались этому собаки, но веселились они неуверенно, слегка настороженно, и близко ко льву не подходили, потому что живые они оставались собаками, а он, даже мёртвый, был львом...

АНТОН ПОТРЕБНЯК

Борхесу

Герой отправляется в Лабиринт, чтобы сразиться с Минотавром. Безрезультатно ищет чудовище в длинных тёмных коридорах, повторяющихся комнатах. Минотавра не существует. Вернее, Лабиринт – это и есть Минотавр. Потому что из него не выбраться. И остаётся лишь ждать следующего героя, постепенно теряя человеческий облик.

АЛЕКСАНДР МАРТУСЕНКО

Макушка небосвода.

Царапая синее небо, сквозь крону вишни пробирается серебристый треугольник самолёта, оставляя за собой две белые линии. Твои руки – глоток холодной воды в полдень. Юные листья выбираются из почек навстречу весне.

Гаркуши свивают солнце, словно кельтский узор. Лёгкая небритость бытия.

Будда родился!

КОТ БАСЁ

У него были сеть и лодка. Ни сеть, ни лодка не могли рассказать о нём, оставаясь вечно бессловесными сетью и лодкой... Его улова не хватало на то, чтоб просто наполнить вечер. Он сидел на хребте у лодки, смотрел, не видя; плавники старых вёсел в песок упирались костью. Сеть всегда задевала ветку, с которой листья облетают ещё до того, как наступит осень. Он сидел на хребте у лодки, курил, и локоть прижимался к крылу... От крыльев ломило спину. У него были сеть и лодка. Ни сеть, ни лодка не могли рассказать о том, что необъяснимо.

ВОЗДУХЪ

ЛЮДМИЛА БЫКОВА

в горле запершило
старую книгу читаю
зимним вечером

слегка очерчен
сквозь пелену тумана
храм Вознесения

сегодня утром
жизнь начну сначала
в который раз

с тобой вдвоём
совсем не одиноко,
старость моя

взошёл картофель
жук колорадский на листе
рад всходам

вот, пришла ко мне,
а я совсем не рада —
бессонница

музыкой нежной
опять разбудил в полночь
комар-кровосос

АЛЕКСАНДР ДОБРОВОЛЬСКИЙ

бабочка
шорох сухих травинок
в поле

птичьи следы
три звездочки
над стихотворением

Хлопнула дверь.
Помедлив немного, с ветки
посыпался снег...

АНТОН ИЛЛАРИОНОВ

осколок отпуска
приятно ранит
летнее знакомство

в альбоме сохранённых
фотографий

сухие балки и полынь
полуистёртые надгробья

Старый Крым и Новый Свет

Мысли и их листья

(сцены из жизни птиц, девушек и растений)

Выдалась особая выдержанная, настоящая осень: этим утром у девушек листья, а у деревьев – волосы. Их одуванчики, растущие в подмышках. Косматые дубы и стрекот девичьих каблучков.

Хлорножелезный пейзаж. Гаркушины кущи. Чешуйчатая кора сосен. Корни елей, словно ископаемые.

Дети небосвода. Райские звенящие гаркуши. Обманчиво светит солнце. Орех бросает свои грецкие плоды на головы прохожих. Девушки щурятся от солнечного ветра. В голове прорастает строчка. Вспорхнула красивая – не поймать.

Вьют гаркуши тени. Уличные фонари, словно улитки-переростки. Пахнет прелой листвой и дождевым червём.

Каждое дерево желтеет так, как если бы имело свой характер. Лист в траве, словно флюгер, ищет попутного ветра. Платан крепко держит свои листья, скоро они сорвутся с места, станут на крыло, изотрутся в труху, чтобы продолжить свой путь. Останутся только девушки и некоторые птицы.

Мои лучшие цветочки совсем не из головы.



И. Мартусенко

Мир перед дождём

Грозой пока не пахнет. Спешат донкихоты на радость ветряным мельницам: гражданин Калабриков – честь и совесть берлоги, индеец Прожорливое Брюшко (во рту найдены перья) – человек от снохи. Саша для дураков и три какие-то пендюрины. Слепоглухонемая стена, на ней надпись – «Проход закрыт». Старательно спасть свою думу, простое перечисление, банановая тужурка, целлюлитные колонны, оскорбление колон, слова похожие на глыбы, авдотие живота, сашасоколинские потоки не находят исхода, туман хитёр и неискренен, друг – тот, кто рядом с тенью, калитки и молитвы, Пандоры бардачок пахнет жжёными спичками плавится сосновая смола чайник кипит небо коптит строчки разного достоинства пустые страницы горячие руки моей беременной жены нужное подчеркнуть...

Выстрелы словно спицы. Разлила оду воде.

АНДРЕЙ ДЕМЬЯНЕНКО

Расстрел

Его расстреливали.

Красная кирпичная стена, соединяющая горизонты и вычеркивающая большую часть неба. Вытопанная полоска земли – дорога, проходящая вдоль стены. Только по этой дороге не ходят... На ней скорчившись уходят. Уходят в небытие.

Залп. Иногда пули не задевают мишень, но они втыкаются в стену, разбрызгивая калечащее крошево.

Залп. Бывает, что-то горячее вопьется в плоть, одарит жжением.

А лица палачей как будто знакомы. Лица смазаны обстоятельствами, но кажется, что вот там жена, там сын, здесь мать, чуть дальше брат, ближе друг.

Залп. Случается боль. Всепоглощающая, медленно стекающая.

Его расстреливали. Мое хорошее настроение расстреливали.

БЫЛОЕ И ДУМЫ: ТАНКЕТКИ

Среди новых жанров нам встретился и такой минималистично-афористичный, как танкетки. Ну что о них скажешь? – меньше некуда! А ведь неплохо получается.

НИКОЛАЙ РЕДЬКИН

небо
не более

бездна
без надзора

плетусь тих
плету стих

молния
в ударе

небо
небогатых

ценности
обценны

поцелуй
в рассрочку

хороши
шорохи

вожди
затяжные

ВАДИМ ИСАЕНКО

Ньютону
в яблочко

ГВОЗДИ
свои в доску

редкая
частота

цирроз
за МИЛЫХ дам

паводок
с поводка

типун
цербер слова

Минздрав
как накаркал

водка
грех на двоих

приказал
долгу жить

оберег
кляп во рту

большинство
боль меньшинств

НАНОПРОЗА

СЕРГЕЙ ГАЙДАРОВ

Правда жизни

Вечером она садилась перед зеркалом и часами глядела правде в глаза...

Душа поэта

– И ради рифмы назову тебя красивой...

Любовь, любовь...

– Люблю я как-то некую...

АЛИСА ЕСИКОВА

В моём становлении бабочкой прошу никого не винить.

Гусеница

ВИТАЛИЙ СЛЮСАРЬ

Разочарование

Когда она обронила пёрышко из своего крыла, он решил, что она ангел.

А она оказалась обыкновенной курицей.

АЛЕКСАНДР МАРТУСЕНКО

Старушка купила в мясной лавке репродукцию Рубенса. Теперь сладко спит.

АРТЁМ ФРАНИЧ

«Сходил на сеанс экзорцизма. Вышел из себя.

Люцифер»

АНДРЕЙ ДЕМЬЯНЕНКО

Когда мне весело – я развлекаюсь мыслями; когда грустно – мысли развлекаются мной.

АЛЕКСАНДР ЛЕВЧЕНКО

Моя супруга заглянула за картину, которую я пишу и обнаружила там бутылку водки... то есть полбутылки... прощайте, товарищи!!!

МАРИАННА СОЛОМКО

– Что такое Мавзолей?
– Это музей одной восковой фигуры.

СЕРГЕЙ УТКИН

Фраза: «Он не пропускал ни одной юбки», была сказана об утюге.

«Алкоголички!» – усмехнулся лаборант, ласково обращаясь к спиртовкам.

БЫЛОЕ И ДУМЫ: ОДНОСТРОК

всё, что имеет смысл сказать – укладывается в 1 строчку

ИВАН КАРАСЁВ

он всегда думал что говорил но на самом деле молчал

Что лучше: видимость демократии или её невидимость?

волка бараньи ноги кормят

Дошёл до ручки, берись за перо.

АНДРЕЙ НАСОНОВ

Тех, что стояли у кормила, оно же и кормило.

Он видимо был видный офтальмолог...

И что вы делаете на работе?

На пригорке ящерица от солнышка – зараза! – тащится...

АЛЕКСАНДР МАРТУСЕНКО

лысина растёт колизей

ПАВЕЛ УВАРОВ

половинки танка держатся на честном слове

ТАТЬЯНА ШКОДИНА

Стрелял не в вас, - простите, обознался...

Ну, вы и гусь! Мне точно не товарищ!

Хотелось денег... Победила совесть.

Поёт душа... Соседи недовольны.

Седой уж весь... а бес в ребро не тычет!

Он был женат... На ком – пытался вспомнить.

Просил воды, – привычно дали водки.

Да, я не в форме, но и вы в салате.

ИВАН КАРАСЁВ

Паутинка

- Зачем?
- За шкафом...

Говорят, один пророк, спасаясь от преследователей, укрылся в пещере. Вход в нее затянул паук. Казалось бы, что есть эфемернее паутины, но преследователи так и не вошли в убежище. Ведь никто не может просочиться сквозь нее, не повредив тонких нитей.

Паутинка трепетала на сквозняке и думала: еще кто-то хлопнет в офисе дверью, и ее жизнь разомкнется. Но этот страх оборваться, кажется, существовал целую вечность. Со временем она покрылась легкой пылью и уже не ловила мелких мошек, как раньше. Только трепетала и сокрушалась: еще вот-вот, еще мгновение и ее унесет в открытое окно свежий ветерок, в океан пустоты, из небытия - на улицу, бурлящую звуками.

Иногда на паутинку садилась зеленая муха с красными крапинками на брюшке. О, боже, замирала страдалница, это чудовище сейчас разорвет меня своими лапищами.

Часто в комнату забегала чья-то собака на замшевом поводке. Она совала свой нос в каждый угол. Какой кошмар, сокрушалась паутинка, неужели моя судьба – прилипнуть на сопливый нос этого неразумного существа, пахнущего послушанием.

А когда наступало время генеральной уборки, в двери вваливалась уборщица Зоя Федоровна, гремя ведрами и шурша сухим мешковидным тряпьем. Она надевала резиновые перчатки и брызгала стены какой-то дрянью. Я пропала, причитала паутинка, эта великанша меня точно погубит. И она трепетала в такт снующей по полу швабре.

Но лишь мелкие кристаллики хлорки оседали на тоненькой, почти не видимой нити, затерянной за шкафом, между батареями центрального отопления.

Так проходили годы. Высохшая оболочка мухи с поблекшими пятнышками на брюшке прицепилась к собачьей шерсти и умчалась в неизвестность. Да и запаха псины паутинка давно не ощущала. В дальнем углу комнаты уже пятый год пылился замшевый поводок и ошейник. А на тумбе у дверей недавно появился портрет Зои Федоровны с двумя гвоздиками.

Если бы у паутинки были глаза, она бы зажмурилась. Яркий свет от гигантского оранжевого гриба за окном ослепил бы ее. После стало тихо и холодно... По скрипучим половицам ветхого офиса ходили некие, ранее невиданные существа в скафандрах, переговариваясь посвистыванием и щелчками. Крючковатый палец с изжелта-синим ногтем ковырял плинтус. Потом им цапнуло по батарее... Паутинка вновь задрожала, но никто не слышал ее причитаний и жалоб на судьбу. Эхо человеческих голосов, которое вплелось в тщедушное тельце паучьей нити, уже было недоступно пониманию пришельцев.

Откуда-то издалека мольбы услышаны были отцом паутинки. Но забирать вечно ропщущую на долгую жизнь и отрывать ее от призрачных стен бытия творец пока не торопился. Он сам мерно покачивался в кармическом пространстве недеяния, в наиболее темных закоулках смысла, намертво приклеенных где-то за космическими батареями и шкафами.

(с) Иван Карасев, июнь 201



И. Мартусенко

КРУГИ ПО ВОДЕ

ДМИТРИЙ БАБЕНКО

Книги из Приграничной Библиотеки Ойкумены

Край, граница Ойкумены, это область, лежащая почти за пределами обитаемой территории, а значит, и за пределами рационального мировосприятия. Топос, в который я помещаю «Библиотеку», обладает очень важным для меня преимуществом – отсутствием ответственности перед читателем книг «Библиотеки», так как к ним неприменима юрисдикция упорядоченного пространства (здорового смысла). Строгий вопрос «Что всё это означает?» вполне может иметь множество ответов, и все они будут верны.



Сняв с себя бремя ответственности, попробую дать одно из возможных объяснений, что, собственно, представляет собой «Приграничная Библиотека Ойкумены». Состоит она исключительно из справочной литературы – каталогов, атласов, гербариев, пособий и т. д. и т. п. Эти концентраты знаний порождены «психозом означающего». Невротическое желание всё знать, упорядочить, внести в реестр, приводит к тому, что рациональная картина мира взрывается изнутри под давлением огромного объема информации. Параноя это не вполне болезнь, это, в каком-то смысле, выздоровление, когда рассудок после психотического срыва восстанавливает из осколков новую картину мира. Случай с «Книгами из Приграничной Библиотеки Ойкумены» это наука, деградировавшая в искусство.

2009

Tsundoku library

Tsundoku – купленные, но, не прочитываемые книги, накапливаемые, складированные владельцем. (Цундоку). 「積ん読」 пришли из 「積んでおく」 «tsundoku» (складывать вещи готовы для последующего использования и оставить) и 「読書」 «dokusho» (чтение книг).

Комментарий из соц.сети:

Irene Souschek: Боюсь непрочитанных у меня постепенно становится больше, чем прочитанных.



ГОРОДА И ЛИЦА.....

| | |
|--|--------------------|
| Амини Бахтиёр живёт в Германии | 9 |
| Бабенко Дмитрий г. Краснодар..... | 3, 38 |
| Бабичева Надежда г. Краснодар | 14 |
| Бобылев Дмитрий г. Санкт-Петербург..... | 15, 21 |
| Быкова Людмила г. Курганинск..... | 26 |
| Вих Андрей г. Москва | 8 |
| Гайдаров Сергей г. Рига..... | 32 |
| Гранкин Николай г. Краснодар | 18 |
| Данюшин Сергей г. Санкт-Петербург | 9 |
| Демьяненко Андрей г. Санкт-Петербург | 29, 33 |
| Добровольский Александр г. Смоленск | 27 |
| Ежов Михаил г. Харьков | 8 |
| Есикова Алиса г. Краснодар | 32 |
| Игнатьев Сергей г. Москва | 20 |
| Илларионов Антон г. Санкт-Петербург | 27 |
| Ильц Анатолий г. Минск | 6 |
| Карасёв Иван г. Краснодар | 4, 24, 34, 36 |
| Кот Басё г. Краснодар | 11, 14, 25 |
| Курбатов Сергей г. Киев | 7 |
| Левченко Александр г. Гулькевичи | 33 |
| Мамаенко Анна г. Краснодар | 10 |
| Мартусенко Александр г. Краснодар | 25, 28, 29, 32, 35 |
| Наливайко Владимир г. Гулькевичи | 24 |
| Насонов Андрей г. Краснодар | 22, 34 |
| Николаев Виталий г. Краснодар | 24 |
| Пахомова Любовь г. Краснодар | 23 |
| Погребняк Антон г. Санкт-Петербург | 25 |
| Редькин Николай г. Майкоп | 30 |
| Слюсарь Виталий г. Запорожье | 32 |
| Соломко Марианна г. Санкт-Петербург | 33 |
| Хузин Радион г. Уфа | 7 |
| Франич Артём г. Краснодар | 33 |
| Уваров Павел г. Санкт-Петербург | 35 |
| Уткин Сергей г. Санкт-Петербург | 33 |
| Шауров Эдуард г. Барнаул | 16 |
| Шкодина Татьяна г. Краснодар | 35 |